

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ОППОЗИЦИЯ О ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ ЧССР/ЧСФР И СССР (1969–1991 ГГ.)

Э. Г. Задорожнюк

Задорожнюк Е. Г. Чехословацка опозиция про двусторонни відносини ЧССР/ЧСФР і СРСР (1969–1991 рр.). На документальному матеріалі, включаючи архівний, викладена траєкторія взаємин ЧССР/ЧСФР та СРСР в оцінках опозиційних «режиму нормалізації» сил, що прийшли до влади після 17 листопада 1989 року. Проаналізована роль їхніх вимог у забезпеченні суверенітету Чехословаччини, відстежена динаміка зміни зовнішньополітичних переваг нової політичної еліти. Позначена неминучість переформатування відносин між двома державами з урахуванням глобальних змін у Європі та перспективи розпаду СРСР, а потім і ЧСФР.

Ключові слова: СРСР; Росія; ЧССР; ЧСФР; Європа; зовнішня політика; суверенітет; нейтралітет; нова політична еліта; Громадянський форум; Варшавський Договір; НАТО.

Задорожнюк Э. Г. Чехословацкая оппозиция о двусторонних отношениях ЧССР/ЧСФР и СССР (1969–1991 гг.). На документальном материале, включая архивный, изложена траектория взаимоотношений СССР и ЧССР/ЧСФР в оценках оппозиционных «режиму нормализации» сил, пришедших к власти после 17 ноября 1989 г. Проанализирована роль их требований в обеспечении суверенитета Чехословакии, отслежена динамика изменения внешнеполитических предпочтений новой политической элиты. Обозначена неизбежность реформатирования отношений между двумя государствами с учетом глобальных изменений в Европе и перспективы распада СССР, а затем и ЧСФР.

Ключевые слова: СССР; Россия; ЧССР; ЧСФР; Европа; внешняя политика; суверенитет; нейтралитет; новая политическая элита; Гражданский форум; Варшавский Договор; НАТО.

Zadorozhnyuk E. G. Czechoslovak Opposition about Bilateral Relations between the ČSSR/ČSFR and the USSR (1969-1991). Relying on the documental material, including archival, the author explores the trajectory of relations between the USSR and Czechoslovakia in the estimates of the opposition to «normalization regime», came to power after the November 17, 1989. The role of their demands to ensure the sovereignty of Czechoslovakia is analyzed, the dynamics of the new political elite foreign policy preferences change is tracked. The inevitable reformatting of the relations between the two countries is designated, taking into account global changes in Europe and the prospects for the collapse of the USSR, and then Czechoslovakia.

Keywords: USSR; Russia; ČSSR; ČSFR; Europe; foreign policy; sovereignty; neutrality; the new political elite; Civic Forum; the Warsaw Pact; NATO.

Противостоявшие «режиму нормализации» структуры («параллельное общество» или «параллельный полис», по терминологии канадского исследователя Г. Скиллинга и чешского диссидента В. Бенды), начиная практически с конца 1968 г., призывали придать двусторонним чехословацко-советским отношениям принципиально новое качество. Главным при этом считался вопрос восстановления государственного суверенитета ЧССР, который связывался ими с выводом вторгшихся в страну в августе 1968 г. иностранных войск.

Действительно, требования государственного суверенитета зазвучали едва ли не одновременно с вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран Варшавского Договора. Так, уже в декабре 1968 г. эта проблема в завуалированном виде поднималась в полемике М. Кундеры и В. Гавела о «чешской доле» (сводившейся, по их мнению, к постоянной борьбе за суверенитет государства в самом центре постоянно раздираемой конфликтами Европы)¹. Необходимость обеспечения суверенитета ЧССР четче выражались в документах студенческо-рабочих комитетов, функционировавших на уровне факультет – завод, легально возникавших с января 1969 г. практически во всех чешских городах².

Уже в 1970 г. появился ряд нелегальных структур, наиболее значимым из которых стали Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС). Программа СДЧГ ориентировалась на «со-

циализм с человеческим лицом» и базировалась на основных постулатах Программы действий КПЧ периода Пражской весны. «Социалистическое движение чехословацких граждан, – указывалось в его Манифесте от 28 октября 1970 г., – ведет политическую борьбу за социалистическую, демократическую, независимую и свободную Чехословакию, *суверенную во внутренней и внешней политике* [курсив мой. – Э. З.] <...>»³. Относительно СССР считалось необходимым напоминать: дружба и добрососедские отношения не обеспечиваются воинскими частями и властной группой ориентирующихся на прошлое людей; нужно государство свободных граждан, заинтересованных в подлинном добрососедстве и равноправных союзнических отношениях⁴.

Представителей СДЧГ поддерживала ЧДДС, правда, демократические социалисты более четко определяли место Чехословакии как раз между двумя военно-политическими блоками – ОВД и НАТО. Так, в разделе (8.1.) «Суверенитет и нейтралитет государства» Малой программы ЧДДС (середина 1971 г.) особо подчеркивалось: «Безопасность и территориальную целостность мы обеспечим сами. Чехословакия *в дальнейшем не будет присоединяться к какому-либо военному пакту и провозгласит свой постоянный нейтралитет* [курсив мой. – Э. З.], обеспеченный собственными вооруженными силами и гарантированный великими державами»⁵. Тезис о «постоянном нейтралитете», казалось бы, здравый, прагматичный и вполне органичный для Чехословакии – государства в центре Европы, внеблокового по своему историческому призванию – после разгрома СДЧГ не получил, к сожалению, дальнейшего развития в концепциях диссидентских и оппозиционных сегментов чехословацкого антинормализационного движения, более того, был ими в будущем элементарно проигнорирован и отброшен.

Не менее значимый, на наш взгляд, документ – «Пражский призыв» о перспективах европейского единения от 11 марта 1985 г. – требовал «поддерживать любую индивидуальную, коллективную и правительственную инициативу, служащую идеалу сближения и свободного единения европейских народов, и отрицать шаги, которые эту цель отдаляют или уничтожают»⁶. В нем также ставится вопрос о выводе из Чехословакии иностранных войск, но уже на фоне новаторской идеи: предложения Североатлантическому альянсу и Варшавскому Договору «начать как можно раньше *переговоры о роспуске своих военных организаций* [курсив мой. – Э. З.], о выводе и ликвидации всех размещенных или же нацеленных на Европу ядерных вооружений, а также о выводе воинских частей США и СССР с территорий их европейских союзников»⁷. Проведение переговоров о роспуске ОВД и НАТО – принципиально новое требование Хартии 77 по сравнению со всеми предшествующими ее документами. Оно прозвучало тогда впервые и встретило поддержку 45-ти подписавших его хартистов, включая В. Гавела, продолжавшего транслировать идею роспуска двух военно-политических блоков и в дальнейшем, уже после «бархатной» революции, в частности, в статусе чехословацкого президента на переговорах с советским лидером М. С. Горбачевым в феврале 1990 г.

Перестройка, начавшаяся в СССР, вселила оппозиционерам надежды на решение проблемы взаимоотношений двух государств на новых основаниях⁸. В Заявлении Хартии 77 по случаю 17-й годовщины вторжения в Чехословакию от 20 августа 1985 г. подчеркивалось: «Не строя поспешных иллюзий, нам хотелось бы выразить и определенную надежду, что современное общественное движение в Советском Союзе может стать более широким и подхваченным демократической общественностью импульсом. Мы полагаем, что болезненные европейские проблемы, нашедшие отражение в “Пражском призыве”, *можно решать лишь постепенным, долгосрочным и терпеливым преодолением блоковых барьеров* [курсив мой. – Э. З.]»⁹.

17–19 июня 1988 г., в обстановке усилившегося противостояния протестной части общества и «режима нормализации», в Праге прошел международный семинар «Прага 88», созданный оппозиционно-диссидентскими структурами – Хартией 77 и Независимым объединением за мир – инициатива за демилитаризацию общества. В нем приняли участие активисты гражданских инициатив и борцов за мир из 17 государств. Чехословацкие власти предприняли ряд мер, направленных на его срыв, но дух времени и «теплые ветры» из Кремля сделали возможным его проведение. Высказывались предложения учредить постоянный форум для проведения открытой политики, на который возлагалась задача оказывать всем позитивным элементам хельсинкского процесса поддержку снизу. В дис-

куссии прозвучало предложение учредить центром форума Прагу и присвоить ему официальное название – Европейский парламент за мир и демократию¹⁰. В документе утверждалось: «Распространение демократии в странах Варшавского Договора и демилитаризация их внутренней жизни неразрывно связаны с разоружением и демилитаризацией Европы, **выводом всех иностранных войск и роспуском военно-политических организаций** [курсив мой. – Э. З.]»¹¹.

23 мая 1989 г. чехословацкие диссиденты адресовали Открытое письмо странам-членам НАТО по случаю проходившей в Брюсселе конференции, посвященной 40-й годовщине создания альянса. «Мы, – говорится в нем, – в течение многих лет убеждались, что для нашей судьбы, равно как и для судеб всех стран по обеим сторонам нынешнего разделения, необходимо положить конец военно-политическим блокам, а биполярную систему безопасности заменить плюралистической системой сотрудничества всех стран и народов в сфере влияния НАТО и Варшавского Договора. Поэтому мы требуем вывода советских войск с территории Чехословакии и поддерживаем предложения о роспуске, в первую очередь, военной составляющей, а затем и ликвидации Варшавского Договора. Однако **это может быть политически реальным только в том случае, если будут распушены два военно-политические блока** [курсив мой. – Э. З.]. Мы понимаем, что предстоит решить многие политические, государственно-правовые и военно-технические вопросы с тем, чтобы плюралистическая система безопасности превратилась в лучшую гарантию мира и безопасности по сравнению с системой нынешней»¹².

После свержения «режима нормализации» многие положения представителей антинормализационных структур стали тиражироваться гораздо более массовыми движениями, непосредственно определявшими облик новой Чехословакии. Это, в первую очередь, касается Гражданского форума. В разделе «Внешняя политика» его Программного заявления «Чего мы хотим» от 26 ноября 1989 г. декларировалось: «Мы добиваемся того, чтобы наша страна снова заняла достойное место в Европе и мире. Мы – составная часть Центральной Европы и поэтому стремимся поддерживать добрые отношения со всеми соседями. Мы рассчитываем на вовлечение в европейскую интеграцию. Идее европейского дома мы хотим подчинить и нашу политику в отношении партнеров по Варшавскому Договору и СЭВ. Мы уважаем наши международные обязательства, причем при полном сохранении государственного суверенитета. Но вместе с тем мы хотим проверить те приглашения, которые мотивировались непомерными амбициями ведущих представителей государства»¹³.

В своем новогоднем (1990 г.) обращении к гражданам президент некоммунистической Чехословакии В. Гавел, в частности, заявил: «Наше государство не должно больше быть “довеском” или “бедным родственником” какого-либо другого. Нам, конечно, придется многое почерпнуть у других и многому у них поучиться, но отныне, спустя длительное время, мы будем делать это как их равноправные партнеры, которым есть также что предложить... Мы маленькая страна, и, тем не менее, некогда мы были духовным центром Европы. Почему бы нам снова не стать им?»¹⁴. Конечно же, слова Гавела о призвании Чехословакии быть «духовным центром Европы» следует отнести, в первую очередь, к сфере культуры. Однако, как представляется, логическим продолжением данного его послыла вполне могла бы стать идея о нейтралитете Чехословакии, высказывавшаяся ранее представителями антинормализационного движения.

В самом начале президентства В. Гавел в своих внешнеполитических предпочтениях, в том числе в части чехословацко-советских взаимоотношений, продолжал во многом ориентироваться на хартистские установки. Указанные выше их постулаты и идеи в той или иной мере и в дальнейшем продолжали фигурировать в официальной позиции новых чехословацких властей. Они были эксплицированы и в беседе президента ЧССР В. Гавела с М. С. Горбачевым в Москве 26 февраля 1990 г. Тогда чехословацкий президент сказал: «Я хотел бы коротко информировать Вас о тех процессах в Чехословакии, которые тоже называют революцией. <...>. Нашу революцию называют мирной и даже “нежной”, во всяком случае, это никакая не контрреволюция, как кое-кто склонен считать. И неверно изображать дело так, будто бы Гавел пытается вернуть страну к капитализму, травит коммунистов – ничего подобного. Мы возвращаемся к нормальному демократическому плюрализму и не собираемся возвращать фабрики их бывшим собственникам»¹⁵. При этом он

не преминул подчеркнуть, что люди должны убедиться: «под старыми колониальными отношениями поставлена точка»¹⁶. В ответ Горбачев жестко возразил: «Прошу Вас не приписывать нам “колониального” отношения к Чехословакии. Этого я не приму. Никогда наши отношения с чехословаками не имели ничего общего с колониальными»¹⁷. «Хорошо, я поищу другое слово»¹⁸, – парировал Гавел.

Он поделился своими соображениями и о «будущем европейском порядке»: «Мне казалось, что тяжелее всего будет найти взаимопонимание одновременно и на Западе, и на Востоке. Когда я был в США, то в беседе с президентом Бушем и в конгрессе говорил о том, что эра двухполюсного мира кончилась. Открывается эра новой Европы. Я не очень люблю говорить о новом порядке в Европе, потому что этот термин скомпрометировал Гитлер. Вы, Михаил Сергеевич, как известно, говорите о европейском доме». Гавел назвал полезной идею созвать на высшем уровне совещание участников общеевропейского процесса, скорректировав дату его проведения (не в 1992, а в 1991 году или даже раньше). «Такое совещание, – по его словам, – могло бы стать эквивалентом мирной конференции в Европе. Оно должно подвести черту под итогами Второй мировой войны и послевоенным периодом. Думаю, важно, чтобы хельсинки процесс перерос в нечто большее, чем то, что имеет место до сих пор. Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского Договора и НАТО. И, таким образом, мы бы достигли сразу несколько целей. Во-первых, зафиксировали бы окончательные границы в Европе. Во-вторых, вписали бы объединение Германии в общеевропейский процесс. В-третьих, способствовали не только снижению конфронтации, но и созданию такой новой системы безопасности, когда сама Европа оказалась бы способной обеспечивать свою безопасность. Это ослабило бы и необходимость присутствия американских войск, хотя не исключало бы его вовсе. Словом, создалась бы новая, более гибкая и конструктивная система сотрудничества в Европе». «Я, – утверждал чехословацкий президент, – дважды излагал эти свои взгляды Бушу. Мне кажется, нам удалось ослабить традиционный американский страх перед тем, что кто-то хочет их вытеснить из Европы. Буш заявил, что пока на континенте нет надежной стабильности, они не хотели бы выводить свои войска. Американцам уже два раза, сказал он, приходилось направлять свои войска в связи с Первой и Второй мировыми войнами. Им не хотелось бы вводить их в третий раз, тем более, что и физической возможности для этого случая третья мировая война, очевидно, не представила бы. Но если бы была создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии, тогда, наверное, представилась бы возможность спокойно вывести американские войска из Европы. Ведь и сами европейцы не нуждались бы тогда в их присутствии. Тем более была бы, разумеется, устранена и опасность того, что наш блок сбросит в море западный блок»¹⁹. «Я слышал, – продолжал Гавел, – что в Финляндии тоже поддерживают идею проведения Хельсинки-2 как можно раньше. Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. ***Варшавский Договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности*** [курсив мой. – Э. З.]. Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР»²⁰. В речи Гавела следует обратить особое внимание на твердость и неизменность его позиции относительно предполагаемых судеб **двух** военно-политических блоков, т.е. и ОВД, и НАТО в русле хартистских требований 1980-х годов.

Тем не менее, несколько позднее, 7 июня 1990 г., на совещании Политического консультативного комитета (ПКК) государств-участников Варшавского Договора в Москве, в выступлении президента страны уже под новым названием – Чешская и Словацкая Федеративная Республика (ЧСФР) – проблема чешско-словацко-советских отношений в контексте взаимоотношений в рамках ОВД поднималась в принципиально ином ключе. «Мы, – отметил Гавел, – исходим из того, что Варшавский Договор – это временная организация, которая в настоящее переходное время должна, может еще сыграть определенную роль. Разумеется, при условии, что ее затронут принципиальные политические и организационные изменения. Сам Варшавский Договор так, как мы его знаем, как форма

подчинения всех наших армий советской армии, прекратит свое существование, и не нужно будет его распускать. Организация, которую мы сможем в будущем называть Варшавским Договором и о деятельности которой мы будем говорить, должна основываться на следующих принципах: абсолютное уважение суверенитета, независимости, равноправия всех стран-участниц. Вооруженные силы могут быть использованы таким образом лишь при согласии конституционных органов соответствующих стран. Союзнические обязательства участников договора можно выполнять исключительно в рамках обороны собственной территории»²¹.

Фокусируясь на «принципиальных политических и организационных изменениях» Варшавского Договора, президент ЧСФР не считал нужным даже упомянуть о другом военно-политическом блоке – НАТО, хотя совсем недавно в беседе с президентом СССР (февраль, 1990 г.) им приводились достаточно убедительные аргументы о трансформации альянса, а еще раньше – в документах хартистов, под которыми он ставил свою подпись – не исключался даже его роспуск.

Это, безусловно, не могло не вызывать тревогу у советской стороны. Возможно, как раз по этой причине сразу же после завершения совещания ПКК в Москве в Прагу прибыл В. В. Загладин, помощник президента СССР М. С. Горбачева. Записи его бесед многое объясняют в феномене, который можно назвать переформатированием взаимоотношений СССР и ЧСФР (уже с дефисом, появившимся 29 марта 1990 г.) – с учетом позиций новой чешско-словацкой политической элиты. Крайне интересны соображения Загладина относительно динамики ее настроений относительно чешско-словацко-советских отношений после первых свободных парламентских выборов, состоявшихся в Чехословакии 8 и 9 июня 1990 г., которые, как известно, принесли победу оппозиционным ГФ и ОПН²². Во время пребывания в Праге 11–13 июня 1990 г. Загладин встречался с рядом представителей тех сил, которые пришли к власти. «Следует отметить, – констатирует он, – что все беседы проходили в исключительно доброжелательной, а порой подлинно дружеской, теплой атмосфере; очень откровенно – без “сглаживания углов” и с подчеркнутой нацеленностью на развитие отношений между СССР и ЧСФР. В некоторых случаях (в Гражданском форуме, например) поначалу чувствовалась определенная выжидательность, нервозность, но буквально через четверть часа все это исчезало»²³.

Все без исключения собеседники характеризовали общую обстановку в Чехо-Словакии как переход от «эмоциональной» к «рабочей» фазе революции 1989 г. Ими выделялись два этапа предстоявшего процесса: первый – до новых парламентских выборов 1992 года, когда «в целом будет сохраняться нынешняя партийно-политическая структура общества». В ходе второго этапа (после 1992 г.) «может сформироваться новая партийно-политическая структура в результате раскола Гражданского форума»²⁴.

Загладин отметил «значительное внимание», которое уделялось в ходе бесед и вопросам внешней политики, в том числе отношениям с СССР. В целом, – по его мнению, – можно было сделать следующий вывод: «обстановка далеко еще не определилась, возможны различные варианты поворотов». «В том, что касается отношений между ЧСФР и СССР, представляется, что нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу. Эти возможности определяются следующими обстоятельствами. Во-первых, политическая линия руководящих кругов окончательно еще не сформировалась. Идут споры. Общей для всех их участников момент в том, что касается внешней политики, – подтвердить “полное возвращение ЧСФР ее суверенитета”. Однако руководители республики понимают, что без нашей перестройки, без нового мышления никаких изменений в их стране не произошло бы», – резюмирует Загладин. Далее он пишет, что «если еще в недавнем прошлом руководство Гражданского форума (шедшего на выборы под лозунгом “Вернемся в Европу”) возлагало серьезные расчеты на то, что Запад буквально заключит Чехо-Словакию в свои объятия, то сейчас надежды на это постепенно испаряются. ФРГ, как отмечали собеседники, “занята собой”, другие тоже энтузиазма не проявляют. В этих условиях для ЧСФР, экономически тесно связанной с нами, возрастает значение сохранения и поддержания этих связей (на новой основе)»²⁵.

Выше приводилась запись беседы с Горбачевым, в ходе которой звучали заверения Гавела о том, что ему удалось-де убедить Буша «ослабить традиционный американский

страх перед тем, что кто-то хочет вытеснить их из Европы<...>»; привести его к мысли, что в принципе может быть «создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии <...>»; в итоге же была бы, «разумеется, устранена и опасность того, что наш блок сбросит в море западный блок». В этом заверении можно проследить, в частности, контуры многообещающего проекта, поспешность отказа от которого в дальнейшем вовсе не сделала чести Гавелу-политику.

Использование этих и других перечисленных в документе возможностей, по мнению Загладина, предполагало постоянную, последовательную работу, которая оказалась не столь уже и простой из-за неопределенности на тот момент внутривосточной ситуации в Чехословакии. «Правые оппозиционные круги, – констатирует автор, – откровенно враждебны к нашему социалистическому выбору, они опасаются, что укрепление отношений с СССР в конце концов поощрит социалистические силы в самой ЧСФР и, тем самым, сорвет планы возврата страны к желанному “старому порядку”. В среде простых “неполитических” граждан единства в отношении к СССР нет. У людей старшего и среднего возраста чувствуется доброжелательность, смешанная с некоторым недоверием. У молодежи недоверие пока превалирует. Однако <...> в университете настроения начинают меняться – студенты задумываются, стремятся понять – что значит для них наша перестройка и перемены в их собственной стране, что все это может обещать в будущем. В нашей работе на ЧСФР важно учитывать следующие моменты. Практически все, кто выступает за укрепление и развитие отношений с СССР, чрезвычайно чувствительны в отношении характера этих отношений. Все без исключения подчеркивали: ныне хорошие отношения “не могут быть повторением пройденного”, они могут основываться только на подлинном равноправии и уважении суверенитета друг друга. Многие, в том числе советник президента и советник министра иностранных дел, отмечали: на форму отношений со стороны Праги будет обращать большое внимание. В качестве “образца для подражания” называют встречу М. С. Горбачева и В. Гавела в Москве»²⁶. Приведенная цитата свидетельствует: «автоматического» перестроения чешско-словацко-советских отношений ожидать не приходилось.

В. В. Загладин, как проницательный аналитик, четче обнаружил это в отдельных беседах с различными представителями ГФ. «Гражданский форум, – читаем в его материале, – это не партия, а движение, к тому же весьма неоднородное. В этом, по мнению собеседников, и сила, и слабость его. Окружение президента В. Гавела (которого оба собеседника характеризовали в целом положительно, как неопытного политика, но неплохого прагматика, патриота и гуманиста), к сожалению, также неоднородно, как и сам форум. В. Гавел сейчас провозгласил лозунг “профессионализации политики”. Это явно означает, что он будет искать новых людей»²⁷.

В беседе затрагивался и вопрос о внешней политике ЧСФР, «не нарушающей интересов в том числе и СССР». Вместе с тем, передает мнение своих собеседников Загладин, «*внешнеполитическая программа нового руководства еще не разработана* [курсив мой. – Э. З.]: если в политическом плане вырисовалась ориентация на процесс СБСЕ, то в экономическом плане ясности не наблюдалось. Для быстрого вступления в Европейские сообщества, по их мнению, страна пока не была готова, поэтому “отрываться” от СССР, других стран-членов СЭВ невозможно. Это, как представляется собеседникам, все отчетливее понимает и В. Гавел»²⁸. Собеседники Загладина осторожно, можно даже сказать – аккуратно, предостерегали его относительно возможной смены внешнеполитических приоритетов. ЧСФР «пока» не готова и, в первую очередь по экономическим причинам, ко вхождению в Европейские сообщества. Время, между тем, шло, и очень скоро «невозможность» отрыва Чехословакии от СЭВ устранилась.

На встрече собеседники Загладина просили советскую сторону учитывать, что «в некоторых случаях внешняя политика ЧСФР будет, вероятно, выглядеть как “эмоционально-самостоятельная”. Будут выдвигаться все новые инициативы. Иногда они будут похожи на “импровизации” <...>. Однако за всем этим по существу стоит не столько любовь к “оригинальничанью”, сколько желание подтвердить “возвращение Чехословакии ее подлинного суверенитета”, стремление “вернуть ЧСФР ее место в мире как суверенной страны”. Советскому Союзу бояться этого не следует, говорили они, важно учитывать эту

особенность современного внешнеполитического курса Праги. Действуя тактично, Советский Союз может приблизить к себе В. Гавела и его окружение. Они способны “при соблюдении внешних форм” стать очень верными последователями нового мышления, проводниками ее там, где самому Советскому Союзу это не всегда удобно»²⁹. Это был во многом предостерегающий голос друзей.

Несколько иная тональность слышится в беседе с революционерами-победителями. 13 июня 1990 г. Загладин встретился с одним из лидеров ГФ П. Кучерой при участии других его руководителей. «П. Кучера, – констатирует Загладин, – заявил, что Форум рад вступить в контакты с советской стороной, что он настраивается на всемерное развитие и укрепление своих внешних связей с советскими организациями в духе той новой политики, которую совместно определили руководители наших стран. Отношения с СССР были и будут для нас весьма важными, а во многом определяющими. Однако, ЧСФР не хотела бы возврата к “старому типу связей”, которые во многом были “односторонними”. Со стороны руководства ГФ был поставлен вопрос: как советской стороне представляются отношения с ЧСФР и другими странами Восточной и Центральной Европы после происшедших там перемен? Ответил, изложив нашу официальную позицию. Подчеркнул особо, что мы нацеливаемся на самые хорошие, лучше всего не просто добрососедские, но дружественные отношения и плодотворное взаимодействие с ЧСФР как в двустороннем плане, так и на международной арене, исходя при этом из взаимного и полного признания суверенитета и равноправия сторон, без всякой “односторонности”. Это заявление вызвало активные и очень доброжелательные комментарии собеседников (они выделили его затем в сообщении, переданном для печати)»³⁰. Кучера подчеркнул, что ГФ – не политическая партия, а именно форум с широким составом участников, поэтому его внешние связи отличаются многообразием. Руководство ГФ, по словам Кучеры, «выступает за добрые отношения с КПСС. Он отметил, что многие проблемы, стоящие перед СССР и ЧСФР схожи, и обмен опытом будет весьма продуктивным»³¹.

«Отвечая на мой вопрос, – отмечает Загладин, – как будет видеться руководству ГФ возможность участия его представителей по линии Советского комитета за европейскую безопасность, П. Кучера сказал, что такого рода связи также интересуют ГФ, но осуществляться они будут, видимо, либо через парламентскую группу ГФ и членов комиссий парламента, либо через различные общественно-политические структуры, специально занимающиеся проблемами европейской безопасности. Сейчас их несколько, но к осени, к концу парламентских каникул, все определится. В любом случае ГФ готов к детальному и всестороннему обсуждению и двусторонних советско-чешско-словацких, и европейских проблем. Условились продолжить контакт на эту тему позднее, после завершения формирования в ЧСФР новых [властных] структур»³².

Собеседники Загладина поднимали и вопросы, которые, по их словам, «могли или могут вызывать трудности в советско-чехословацких отношениях». «Первый из них, – говорится в документе, – пребывание наших войск на территории ЧСФР – теперь, говорили они, в общем улажен. И, как выразилась представитель ГФ по вопросам связей с общественностью, “какие-то мелкие проблемы еще могут возникать, но серьезных трудностей тут уже не будет”, “вопрос закрывается”. Второй из моментов, пока не снятый – “пригласительные письма”, послужившие одним из поводов для вступления войск ОВД в Чехословакию в 1968 году. “Даже Дубчеку не удалось получить эти письма”, – с огорчением заметил П. Кучера. Пояснения вопроса, которые были даны на пресс-конференции в МИД СССР, не удовлетворили новое руководство ЧСФР и прежде всего потому, что В. Биляк в своих мемуарах (частично опубликованных, частично – нет), но переданных им в свое время в издательство в Словакии) прямо пишет: он сам передал подобное письмо в Чиерне над Тиссой (или Братиславе), а затем, по его словам, позднее было передано и второе письмо. В обсуждение этой проблемы я не вдавался, сославшись на нашу известную позицию. Наконец, третий момент, всплывший в канун выборов, – слухи об участии КГБ в событиях на Вацлавской площади и около нее 17 ноября 1989 года. Собеседники признавали, что сообщения на эту тему впервые передала Би-Би-Си»³³. Загладин в категорической форме опроверг всякую возможность вмешательства любой организации в события 17 ноября и вообще во внутренние дела Чехословакии в период перестройки. «Что касается архивов, сказал, что мне лично ничего не известно. На следующий день ГФ

в сообщении для печати о состоявшейся встрече кратко воспроизвел это мое заявление (во всех его частях). Обсуждение этих вопросов закончилось тем, что руководители ГФ выразили надежду на “партнерство” советского государства в полном преодолении этой проблемы. Поясняя свою заинтересованность в этом, они ссылались на пример ГДР, где данные из архивов местного КГБ выплыли наружу и были использованы для шантажа членов нового парламента. П. Кучера говорил о том, что “консервативные элементы” и в СССР, и в ЧСФР могут быть заинтересованы во взаимном сотрудничестве с тем, чтобы мешать перестройке в СССР и преобразованиям в ЧСФР. Этого допустить нельзя, – сказал он»³⁴, – так передает слова собеседника Загладин. Конечно, набор обсуждавшихся вопросов – в чем-то дань политической конъюнктуре, требовавшей «держать персты в ранах», т.е. напоминать, что не все прояснено в советско-чешско-словацких отношениях. Но такой же данью указанной конъюнктуре являлись и заверения в том, что у этих отношений хорошая перспектива. «Беседа закончилась тем, что руководители ГФ заявили: “Мы переживаем за вас, искренне желаем успеха перестройке. Мы понимаем, что сами смогли сделать рывок вперед только благодаря переменам в СССР. Если бы перестройка не удалась, и мы оказались бы в тяжелейшем положении”»³⁵, – заключает Загладин.

В ходе беседы (один на один) с советником президента ЧСФР В. Гавела А. Вондра, которая состоялась 13 июня 1990 г., был также затронут широкий круг вопросов. «А. Вондра начал беседу, выразив глубокое удовлетворение тем, что в последние недели ему удалось познакомиться с рядом советских коллег, которых раньше он не знал. Это первое знакомство важно для нас, говорил Вондра, потому что у нового руководства ЧСФР, у В. Гавела крепнет стремление развивать и углублять отношения с Советским Союзом на основе тех принципов, которые были зафиксированы в совместной декларации двух президентов в Москве. Мы, говорил Вондра, хотим “вернуться в Европу”. Но, по мнению президента, “возврат в Европу” не будет плодотворным, если он будет осуществляться без СССР и тем более против СССР. Идти надо вместе. Ясно, однако, что для этого надо окончательно разрушить возникшее в прошлом недоверие, прежде всего – со стороны ЧСФР. Оно коренится в событиях 1968 года, но также и в том, что ныне пришедшие к руководству в Праге люди – это либо те, кого в СССР после 1968 г. считали “врагами социализма”, либо те, кто воспринимал Москву, находившуюся в прекрасных отношениях с прежним руководством, как основное препятствие на пути свободного выражения чехословацким народом своей истинной воли. Политика перестройки, в частности – во внешней политике СССР, начала интенсивно разрушать это недоверие со стороны Праги. И здесь личные контакты, возможность откровенных, “без дипломатии” и утаивания друг от друга “беспокоящих моментов” приносят наибольшую пользу», – отмечается в документе.

«Очень важно, – излагает Загладин мнение Вондры, – с этой точки зрения широкое развитие культурных контактов, – в самом широком смысле слова. Нужны постоянные связи между деятелями искусства, – ведь русская культура всегда была очень близка к чехам и словакам. Нужно общение ученых, совместное обсуждение всех проблем и внутреннего строительства, и мировых событий. К сожалению, пока что все это развивается медленно. Причины надо проанализировать, но главное – развивать контакты». «Может быть, рассуждал собеседник, и в Москве к новому руководству ЧСФР относятся пока с недоверием, – ведь прежние руководители в Праге всячески внушали вам, что мы – “представители нечистой силы”. Понятно, у нас есть разные люди. Но большинство – это ваши друзья, или уже проявившие себя как таковые, или потенциальные. Дальнейшее зависит от позиции и усилий обеих сторон». И все же лейтмотивом беседы было убеждение, что будущее развитие самой Чехословакии во многом, если не в решающей степени, зависит от судеб перестройки в СССР.

Вондра обратил внимание на трехсторонний (ЧССР, ГДР, Польша)³⁶ проект приближения к европейским структурам. ЧСФР, по его словам, хочет «вести согласованную политику, но одновременно делать это так, чтобы внешне речь не шла бы о простом повторении выдвинутых Москвой или Бонном предложений». В качестве одной из задач он назвал «самоутверждение страны как самостоятельной, действительно суверенной. Мы хотим, будучи вместе с другими, сохранять свое лицо. Это очень важно для упрочения новой власти. Нам очень хотелось бы, чтобы наши друзья в Москве понимали это и не видели в наших шагах стремления как-то противопоставить себя им или другим странам»³⁷.

В своей обобщающей аналитической справке «О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике» (октябрь, 1990 г.) В. В. Загладин счел возможным заключить: «Несмотря на все это, в долгосрочном плане некоторые возможные тенденции внутреннего развития [здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – Э. З.] отдельных стран начинают проследиваться (с поправкой на процессы дальнейших изменений)». Вердикт Загладина таков: «Чехословакия и Польша, где у власти фактически стоят не партии, а “зонтичные” организации (“Гражданский форум” и “Солидарность”), способные распаться и переформировываться, вступили на путь неопределенности, который, скорее всего, выведет их на рубежи либерализма западного образца»³⁸. События ближайших лет в полной мере подтвердили правоту его слов.

В этом же документе он приходит к следующему выводу: «В политике восточноевропейских стран заметно и другое: стремление, с одной стороны, укрепить свою независимость, утвердить свою национальную идентичность, а, с другой, боязнь оказаться “в одиночестве”. Отсюда – попытки формирования каких-то субрегиональных группировок (в большей или меньшей степени оформленных). Это – укрепление сотрудничества Польша, ЧСФР и Венгрии; активизация балканского сотрудничества (Болгария, Румыния, Югославия, а также присоединившиеся к ним Албания, Греция и Турция); начало функционирования “пятиугольника” (“Пентагонале”) – Италия, Австрия, Венгрия, Югославия, Чехословакия). Ко всем этим формированиям, частично перекрывающим друг друга, нельзя не относиться серьезно – особенно к двум последним <...>. Все это в целом означает, что для нашей политики объективно, вне зависимости от наших желаний, образуются определенные рамки возможностей, но и определенные императивы. Они касаются как перспектив отношений со странами Восточной Европы, так и влияния на их внутреннее развитие (через контакты и связи с ними)»³⁹.

Беседы на высоком уровне продолжались и в 1991 г., хотя события в обеих странах шли с ошеломляющей скоростью. Так, в ходе диалога 12 ноября 1991 г. в Москве терявшего почву под ногами президента СССР с заместителем председателя правительства ЧСФР П. Рыхетским, тоже уменьшавшим сферу своего влияния в пользу чешского и словацкого правительств, утопично и с привычной благожелательностью говорилось о дружбе двух народов. Обсуждалось осуществление поставок в СССР продовольствия под кредиты ЕС. Рыхетский подчеркнул: «И у вас, и у нас часть политических деятелей смешивает понятия тоталитаризма и федерации со всеми вытекающими последствиями. Это, как я считаю, плата за демократию. Оказалось, что демократию легче завоевать, чем сохранить. С учетом ситуации в СССР я восхищен Вашей, господин президент, борьбой, за сохранение Союза и считаю эту линию правильной. **Ведь федерация наиболее демократичный способ сосуществования народов** [курсив мой. – Э. З.]»⁴⁰.

Однако почти месяц спустя время подобного рода заявлений истекло: 8 декабря 1991 г. руководители РСФР, Белоруссии и Украины подписали Беловежское соглашение, учредившее в качестве субъекта международного права Содружество Независимых Государств, а 25 декабря Горбачев объявил о сложении полномочий президента СССР. Следовало говорить уже о чешско-словацко-российских отношениях, но в течение лишь немногим более года, поскольку 1 января 1993 г. Чехо-Словакия как единое государство исчезла с карты Европы.

¹ См.: *Задорожнюк Э. Г.* Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*. – Poznań, 2014. – № 6. – С. 261–275.

² Подробнее см.: *Задорожнюк Э. Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.). – М.: Индрик, 2008. – С. 51; см. также: Инакомыслие в условиях «реального социализма». Контуры новой государственности. Конец 60-х–80-е гг. XX в. / К. В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – С. 346–380.

³ Цит. по: *Задорожнюк Э. Г.* От крушения Пражской весны... С. 98.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 138, оп. 51, п. 154, д. 14, л. 141.

⁵ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов / Ю. С. Новопашин. – Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 442.

⁶ Там же. – С. 530.

- ⁷ Там же. – С. 530–531.
- ⁸ Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / К. В. Никифоров. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 118–134; см. также: The Revolutions of 1989. A Handbook / M. Gehler, W. Mueller. – Wien, 2015. – P. 271–283.
- ⁹ Charta 77. Dokumenty 1977–1989 / V. Císařovská, V. Prečan. Sv. 2. 1984–1989. - Praha, 2007. – S. 730.
- ¹⁰ Ibidem. – S. 1021.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem. – S. 1125–1126.
- ¹³ Анатомия конфликтов... Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – Т. 2 / Ю. С. Новопашин. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 695.
- ¹⁴ Там же. – С. 713, 714.
- ¹⁵ Архив Горбачев-Фонда, фонд 1. М. С. Горбачев (далее – ф. 1). Запись беседы М. С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г. 1990feb26doc.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. – Т. 18. – Декабрь 1989 – март 1990. – М.: Весь мир, 2011. – С. 333.
- ¹⁸ Архив Горбачев-Фонда, ф. 1. 1990feb26doc.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 171.
- ²² Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / К. В. Никифоров. – М. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 422.
- ²³ Архив Горбачев-Фонда, фонд 3. В. В. Загладин (далее – ф. 3). О некоторых выводах из бесед в Праге. 11–13 июня 1990 года. z90jun11doc.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Основное содержание беседы с видными деятелями движения «Возрождение» А. Ортом и И. Котиком. 12 июня 1990 г. z90jun12doc.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Основное содержание беседы в руководстве Гражданского форума Чехо-Словакии. 13 июня 1990 г. z90jun13a.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Предложение трех государств (ЧСФР, Польша, ГДР) по общеевропейским структурам, переданное государствам-участникам общеевропейского процесса, конкретизировал Л. Добровский, который, судя по записям Загладина, назвал его «попыткой “завязать в один узел” идеи, уже высказывавшиеся СССР, а также другими государствами как Востока, так и Запада. Плюс этого предложения Добровский видит в том, что в нем участвует и ГДР, причем, как ему известно, МИД ГДР имел по этому поводу консультации в Бонне и там его поддержали. А это весьма важно на будущее». См.: Там же. Основное содержание беседы с пресс-секретарем МИД ЧСФР Л. Добровским. 14 июня 1990 г. z90jun14.
- ³⁷ Там же. Основное содержание беседы с советником Президента ЧСФР А. Вондрой. 13 июня 1990 г. z90jun13c.
- ³⁸ Там же. О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике. Декабрь, 1990 г. z90oct doc.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, ф. 1. Запись основного содержания беседы М. С. Горбачева с заместителем председателя правительства ЧСФР П. Рыхетским. 12 ноября 1991 г. 91nov12bdoc.